

Дориана

ОБЛАСТИ ТРЕВОГИ

Рассказы

Дориана

Области тревоги. Рассказы

«Издательские решения»

Дориана

Области тревоги. Рассказы / Дориана — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836405-1

Тревога — это взгляд на берег со стороны разбуженного штормом моря. Каждая следующая волна накрывает с головой и уносит всё дальше от твёрдой земли. О далёкий берег одна за другой разбиваются спасательные лодки. Утопающий это видит, утопающий — это ты. Ты попал в штормовую область тревоги.

ISBN 978-5-44-836405-1

© Дориана
© Издательские решения

Содержание

25-ый шаг	6
Очки, в которых не мешает солнце	8
Письмо, что принёс ветер	10
Песнь на воде	17
1551	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Области тревоги

Рассказы

Дориана

© Дориана, 2017

© Павел Черепюк, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-6405-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

25-ый шаг (*short_memp*)

Ещё пять шагов. Раз, два, три... Нет, больше, точно больше. Внутренний счётчик работает на славу – так что расстояние можно ощущать даже с закрытыми глазами. Хотя лучше не закрывать свои ставни – по этой дорожке по утрам на площадь ведут пони – кучки дерьма торчат на асфальте, как норки кротов. Интересно, а в дерьме кто-нибудь живёт?

Чёртов день начался с щекотливых упрёков матери, которую кто-то научил проверять историю браузера. Ничего, теперь буду его чистить и «Горячих качков» можно будет рассматривать без опаски. Просто накидаю сверху запросов по химии за девятый класс или на худой конец «Как правильно красить ресницы» и подрастающей извращенкой никто меня больше не назовёт.

Потом была школа. Там лошадиного дерьма тоже хватает, правда его кучки перемещаются по коридорам со стопками тетрадей и журналов, но вляпаться в них можно запросто.

Чёртов день продолжился колючим осенним дождём и прожранной тридцаткой. А ведь могла поехать на автобусе... Теперь мне остаётся только идти и считать шаги между облетевшими тополями. До «меченого» остаётся около десяти шагов. Когда буду напротив его мастерски выполненной чьим-то ножом татуировки, проверю телефон – может от Него пришло что-нибудь. Дождь усиливается, зонта нет – он висит на ручке шкафа, шкаф стоит в моей комнате, моя комната в доме, дом ещё в двух кварталах от меня...

«Десять» – обалдеть, я напротив «меченого» дерева – счётчик сработал безукоризненно. Дисплей телефона раздражающе пустой – никакого конвертика. Ладно, проверю теперь уже, пройдя разрисованный гараж.

Дождь льёт всего пятнадцать минут, а уже появились лужи. Теперь надо обходить не только кучки, но и болотца, или кучки в болотцах, или болотца вокруг кучек... Дерьмовая дорога – и в прямом, и в переносном смысле. Я приближаюсь к старому, заколоченному гаражу, стараясь не укорачивать шаг – должно быть ровно пятьдесят. На двенадцатом шаге возникает препятствие, точнее создаю его я своим любопытством. Из под нехилой кучки (вот это пони!) беспомощно торчит пластмассовая рука. Изящная конечность бедной куклы. Тонкая кисть направлена в мою сторону, направлена умоляюще, словно я спасатель, который подобрался к обломкам и ищет такие вот умоляюще-протянутые руки. Странное зрелище, простое, возможное, но в то же время нереальное. Пони сожрал куклу? Сожрал руку? Или просто приземлил свой поёк на валяющуюся здесь запчасть? Если учесть, что на самом деле меня волнует не это, то я и в самом деле чёртов психолог. Глядя на асфальтовый натюрморт, я вдруг понимаю, что кучка дерьма – это то, чем я представляю действительность, а рука... рука, здесь пожалуй, моя собственная.

Ещё минута наблюдения за «своей жизнью» со стороны и этот образ отпечатается во мне настолько, что я буду видеть его во сне. Фу, гадость. Я делаю уже двадцать четвёртый шаг, он получается немного длиннее, и вновь останавливаюсь. Перед ободранными носками моих промокших замшевых ботинок (как же я выпрашивала их у мамы неделю назад!) разлилось такое болото, что его остаётся только перепрыгивать или обходить по чавкающей грязи на неухоженном газоне. Оба варианта не очень...

Я выбираю второй. Стараясь сильно не испачкаться и не поскользнуться, я делаю шаг в сторону от болота. Такое не могло налиться только дождём, наверное, прорвало где-нибудь. Надо отойти подальше – почва возле него слишком влажная, вообще ботинки не отмою, а ведь так клялась держать их в нормальном состоянии... Помимо моих «горячих друзей» будет мне ещё и за это. Мнусь на газоне, тщательно выбирая участки для следующих шагов. Дождь

усиливается. Я почти обошла болото, теперь могу снова выбраться на асфальт и поспешить к дому, но сильный хлесткий дождь и зеркально-спокойная гладь гигантской лужи меня останавливают. Разве от крупных и частых капель не должно быть кругов? В какой-то момент мне кажется, что на асфальте действительно валяется неровно отколотое мутное зеркало. Поверхность неподвижна. Смотрю по сторонам – небольшие болотца отбрасывают от себя тысячи маленьких брызг, рябят и волнуются от холодного ливня. А это... Рядом со мной на газоне валяется сломанная ветка. Мне хочется взять и потыкать ей странную лужу, как какую-нибудь неизвестную науке тварь. Я наклоняюсь за прутиком, подхожу к краю болота, и вот уже гибкий кончик рисует по поверхности податливые узоры. Значит, всё-таки вода...

Или химикаты. Не зря я прикрываю сайты для взрослых рефератами по химии – смогла сообразить насчёт «неживой» поверхности. Ладно, хрень всё это. Я кидаю прутик в лужу и наклоняюсь, чтобы посмотреть сквозь серую воду на асфальт. Никаких цветных разводов. Ветка мерно покачивается на поверхности, как дохлый гигантский палочник. Какое-то сегодня всё мерзкое и жуткое. Выпрямившись, я оборачиваюсь в сторону красочной метафоры своей жизни – кучка размокла от дождя и, наверное, полностью закрыла собой руку. Неутешительно. Хотя в четырнадцать всё неутешительно. Пальцы ног начинает ломить от сырости и холода, пора домой.

Я делаю (25-ый?) шаг и в этот момент замечаю белое пятно в «спокойном» болоте. Его не было, я же всматривалась в дно, которое, кстати, отлично видно – лужа хоть и большая, но неглубокая. Пятно кажется объёмным, это точно не отражение. Тогда что?

Снова подойти к краю становится страшно, но уйти отсюда, не узнав, что это за пятно, вообще не представляется возможным. Любопытной Варваре хоть позвоночник вырви, но она всё равно любопытство покормит, пусть даже своими костями.

Главное, наклониться над этим пятном так, чтобы и его рассмотреть, и не упасть. Я приближаюсь к краю на ничтожный миллиметр, вытягиваю шею. Белое пятно подобно прутику (куда он пропал?) мерно закачалось и немного отделилось от меня.

Оно меня заметило?

Я продвигаюсь к нему ещё на миллиметр, носок левого ботинка уже касается лужи. Пятно скользнуло в воде, словно оттолкнувшийся пловец. Что за...

Вокруг меня безлюдные сумерки первого октябрьского вторника. Я стою у края огромной лужи и пытаюсь понять, что вижу в грязной воде. Путей к отступлению тысячи – я не застряла на плоту посреди моря, я на суше. Безопасной суше, освещённой фонарями, смотрящими на дорогу. Проехала машина, ещё одна. Не так уж здесь и безлюдно. Мне хочется ощутить, как страх, накативший за ничтожные секунды, растворяется в голове и выходит вздохом облегчения, но не получается. Белое пятно не отпускает от себя – в его, будто осмысленных, движениях есть пугающая притягательность: а вдруг они реально осмысленны? Я делаю ещё один шаг. На этот раз неосторожный

Одновременно, я поняла сразу две вещи – мой ботинок полностью погружён в воду, и в сантиметре от развязанного, змеящегося на поверхности, шнура пятно улыбнулось мне.

Третью, самую важную вещь, я осознать не успела – серая вода сомкнулась над макушкой.

Очки, в которых не мешает солнце (short_метр)

Интересно, это школьница со старым лицом или старушка в одежде школьницы? Не понимаю. Ладно, я уже смирился с тем, что не всегда можно угадать пол прохожих, но вот так сомневаться насчёт возраста... такое со мной впервые.

Автобус стоял в пробке уже больше десяти минут. Адская машина обжигала колёса об раскалённый асфальт и перегревала свою железную макушку на августовском солнце, но сдвинуться с места не могла. Девочка-старушка не давала мне покоя всю дорогу. Несмотря на все приличия, я разглядывал её со своего места, пытаюсь понять к какому же возрасту её отнести. Я смотрел на лицо, волосы, кисти рук, хрупкое тело, хитро прикрытое лёгкой тканью длинного сарафана, и мучился в догадках. Даже одежда... черт, эта безвозрастная особь, словно, специально напаяли тряпки, которые никак не выдадут её главного секрета. А секрета ли? Догадывается ли она сама, что ставит несчастных прохожих в тупик? Чем больше я не мог решить, кто же сидит передо мной, тем пристальнее и наглее шарил глазами по незнакомке, пытаюсь выловить хоть какую-то подсказку. Хорошо ещё, что я в солнечных очках...

Пока автобус находился в движении, воздух из открытого верхнего люка хоть немного освежал, но в пробке ничего не могло спасти от пекла и духоты. За окном в сотнях машин томились такие же несчастные, вынужденные проводить этот день посреди раскалённого города.

Может, всё-таки это девочка? Старушка бы давно загнулась от такой жары. Я снова всматриваюсь в лицо (клянусь этим долбаным пеклом, оно покрыто морщинами!) и вдруг встречаю ответный взгляд. Пару секунд я смотрю в блёкло-голубые глаза и только потом отворачиваюсь. Ощущение такое, будто я вляпался в лужу с радиоактивными отходами, из которой нужно как можно быстрее выбираться, но ты почему-то продолжаешь стоять в ней, глядя на цветные разводы возле своих ботинок. Осознание того, что набедил, формируется в голове долго и как-то само собой отключает все посторонние процессы. Например, инстинкт самосохранения, который так полезно встроен в организм, но почему-то иногда даёт сбой.

Итак, я вляпался в её взгляд. Хорошо, что я в солнечных очках. Но отчего-то мне становится неуютно, кажется, что воздуха в автобусе остаётся все меньше. Глядя на носки своих кроссовок, я думаю, куда сейчас смотрят эти блёкло-голубые глаза. Мне страшно узнать это, страшно проверить, ведь если они до сих пор смотрят на меня, то я уверен, всё моё тело покроется сыпью от этого взгляда. У этой великовозрастной стервы радиоактивные глаза.

Надо отвлечься. Достаяю из рюкзака Берджесса. Кажется, я уже готов совершить *nasilie* и вышвырнуть из автобуса эту «загадку». Вспотевшие руки оставляют на тонкой газетной бумаге дешёвого издания тёмные следы. Я пытаюсь сосредоточиться на чтении, словно ничего не мешает, но всем существом чувствую взгляд. Автобус, наконец, продолжает маршрут, воздух над головами приходит в движение – мне становится спокойнее.

Проехав совсем немного, мы снова остановились. Не успев додумать проклятие в адрес чёртовых пробок, я слышу, как отворяются двери – всего лишь остановка. Я продолжаю скользить взглядом по строчкам, пытаюсь перевести видимый образ слов в смысловой, но у меня не получается. Автобус неуверенно дёрнулся и медленно поплыл сквозь нескончаемый поток.

Переворачиваю страницу, вроде как уже прочитал здесь всё, ничего не понял, не запомнил, но дошёл до последнего слова (которое переносится на следующую страницу) и продолжаю «чтение». Пусть смотрит, если ей так надо, в конце концов, я тоже пялился на неё всю дорогу. Я стараюсь уговорить себя не думать, не внушать то, чего возможно нет, но всё равно ощущаю тревогу. Ещё этот гул... Вот, снова его слышу. Когда только зашёл сюда, поймал себя на мысли, что при движении автобуса создаётся какой-то своеобразный жалобный низкий звук.

Гул. Мы едем, поначалу обращая на него внимание, а потом переключаемся, задумываемся и звук пропал. Но дело в том, что гул никуда не исчезал, он всего лишь стал восприниматься пассивно. Как тиканье часов. А это ещё хуже. Он звучит, но не осознаётся – отсюда странная тревога, торопливые поиски её причины.

Прислушиваюсь к этому звуку, пытаюсь свалить на него неожиданно беспокойное состояние, хотя прекрасно знаю, что дело не в нём. Если эта чёртова молодая старуха не перестанет на меня смотреть, я...

Я поднимаю глаза и вижу, что напротив сидит молодой мужчина. Осматриваюсь, ищу взглядом блёкло-голубые глаза и с облегчением понимаю, что это непонятное создание вышло на прошлой остановке. Мне хочется сделать вот так: «Йо-ху!!!», но я сдерживаюсь, переворачиваю очередную страницу (не помню, дочитал ли я предыдущую) и вдруг обращаю внимание на отражение своего правого глаза в стекляшке тёмных очков. Вот он большой и блестящий, окружённый слипшимися от пота ресницами. Карий глаз нормального человека, а не голубоватое старушечье болото. Я всматриваюсь в свой собственный глаз и меня это успокаивает. Моргнул. Вроде я моргнул. Или нет?

Нет. Из тёмной зеркальной поверхности на меня смотрит глаз. Такой же большой и блестящий как мой... но не мой. Он подёрнут мутноватой пеленой, он моргает тогда, когда не моргаю я. Пересохшее глазное яблоко начинает щипать, но я продолжаю мериться силами с чужим взглядом, пока не одерживаю победу: теперь передо мной испещрённое морщинами веко. Эта ведьма ушла, но оставила со мной свой взгляд. Он проник в меня, как вирус расходящейся по всем мировым новостям лихорадки. Я продолжаю всматриваться в мутный зрачок и с какой-то обречённой понятливостью осознаю, что теперь я проклят той, которую видел первый и последний раз в жизни. Зато она будет видеть меня всегда. Или нет?

Автобус с пронзительным шипением выпускает меня на раскалённую бешеную улицу. Я слышу гул проезжающих где-то машин, голоса людей, обрывки фраз, но вижу только глаз, уставившийся в меня. Если я сниму очки, я рискую обжечь сетчатку – поэтому почти всегда хожу в тёмных стёклах. А если не сниму – сойду с ума!

Он смотрит! Смотрит прямо в меня! Не думая ни секунды, я срываю с себя очки. Больно, щипит, жжёт!

– Помогите мне дойти! – слова беспомощным шёпотом мнутя в пересохшей глотке. Гул машин, шум, куда я направляюсь?

Вдруг что-то тяжёлое и злое с силой толкает меня на землю. В навалившейся темноте истерично пляшут цветные круги. Хорошо, что я ничего не вижу. Только слышу. Жалобный хруст очков, в которых не мешает солнце.

Письмо, что принёс ветер

В одиннадцать он решил вернуться. Исчез в десять и уже спустя час снова бился о стёкла, не надеясь, что его пустят, а только лишь утверждая свою вседозволенность. В его владениях все эти аккуратные одинаковые домики, посаженные вдоль дороги, и если он захочет, то будет биться о стены и стёкла своим большим сильным телом.

Ноябрьский ветер в ноябрьский день.

Соня проснулась в девять и уже пережила три смены погоды и настроения. Сегодня нужен дождь и ветер, сегодня нужен приятный контраст между тёплым креслом и пластмассовым стулом на крыльце соседей.

Вся последняя неделя прошла за наблюдением этого контраста и попытками отвлечься от дерущей боли в лодыжках. «Мне кажется, что с меня постоянно снимают кожу» – рассказала она по телефону матери, сидя в этом же кресле в первый день своих неожиданных «обожжённых каникул».

Горячий пар прошёлся по закрытым тонким капроном ногам. Недоглаженное платье из новой зимней коллекции осталось висеть на неисправном отпаривателе – Соню отправили домой и обещали расследование. Соне обещали выплаты по временной нетрудоспособности, если её невнимательность будет опровергнута.

Последние взносы за дом несправедливо совпадали с Рождеством. Если страховая компания признает вину за оборудованием, то отпариватель исправно поможет ей без помощи родителей закрыть кредит. И тогда обожжённые лодыжки станут удачным стечением обстоятельств. «Больно, зато бесплатно» – как любил говорить её бывший.

В десять Соня вздрогнула от сигнала микроволновки и зацепилась взглядом за красные цифры, которые вдруг начали блекнуть и скучнеть в свете выглянувшего солнца. Серое небо, в которое она окунала своё предвкушение, как только открыла глаза, дало брешь, и тяжёлые облака расползлись в разные стороны. Из окна кухни виднелись чёрные ветки облетевшей вишни, и молодая женщина злилась на её корявые тонкие пальцы, которые не хотели удержать тучи и сохранить для неё правильное осеннее небо.

Поэтому когда в одиннадцать красные цифры на встроенных часах снова налились свтящейся кровью, а где-то в глубине дома завыл разбуженный холод, Соня, наконец, поставила чайник. Не дожидаясь, когда он закипит, и горячий пар вырвется на волю с нарастающим свистом, девушка обхватила ручку полотенцем и залила мятные листья.

Большое оливковое кресло постепенно превращалось в гнездо. Если приходили гости, вмятину от многочасового сидения с поджатыми под себя ногами прятала полосатая подушка. Три узкие через одну широкую – оливковую. Идеальное совпадение. Когда-то в её жизни было такое же необходимое сочетание. Соня замерла, поднеся чашку к губам и сузив глаза. Неуловимый памятью образ какого-то события будто вылез из обивки кресла и тут же стал неудобным затором, через который не проходили мягкие сумерки, которыми она с удовольствием окутывала своё приятно-беспомощное существование. Девушка поставила тёплую чашку на укрытые пледом ноги и посмотрела на подлокотник – отправная точка её неуместных раздумий. Оливковая рогожковая ткань – такой же оттенок полосок. Если промяла кресло, закрой его подушкой такого же цвета, а если...

«Если обделался, надень штаны дерьмового оттенка» – вытолкнула память на поверхность дёргающийся подростковый голос. Не самые приятные воспоминания. Совсем неуместные для начала дня, когда мыслям лучше сливаться с серым светом, вползающим в дом из окон, а не вытаскивать на поверхность своего мерного течения глубинных чудовищ.

Соня хлебнула чай, сняла с языка беспокойную травинку и, распластав её на пальце, огляделась: идти на кухню к мусорному ведру не хочется, выкинуть на пол – слишком.

Откинув плед, девушка осторожно поднялась на ноги. Окно (как раз на той стороне дома, которую ветер не замечал) в одном шаге от её мягкого оливкового гнезда. Нужно только потянуть прохладную ручку вниз и пальцы, держащие травинку, оказываются на улице. Воздух сырой и пока она держит в нём руку, кожа розовеет от холода. Через лазейку, равную по толщине её запястью, в тёплую комнату пробирается улица. Девушка не спешит закрывать окно: её левая рука ощущает через шторы жар батареи, а правая горит от свежести. Небо становится всё темнее, с востока напоззли тучи, кажется, дождь переходит в мокрый снег. Соня полностью возвращает себя в тихий тёплый дом. Напоследок она бросает взгляд на улицу, перед тем как задернуть шторы и начать растворяться в покойной темноте ноябрьского утра.

Кто-то в синей куртке с чёрной сумкой через плечо остановился напротив её почтового ящика и забросил туда конверт.

«Он даже не догадывается, какие важные новости принёс» – думает Софья, глядя, как удаляется сгорбившийся от дождя пожилой почтальон. «Да и я не догадываюсь...». В полной уверенности, что в ящике долгожданное решение по выплатам, девушка запахивает тёплый халат на груди, накидывает сверху вязаную кофту и выходит из дома. Через пару минут, проведённых на вражеской территории дождя и ледяного ветра, она узнает, что самые её смелые надежды оправдались. А также, что письмо не одно.

Как только дверь закрылась, девушка осталась один на один с незнакомцем. Письмо из страховой компании, покрытое тёмными дождевыми каплями приземлилось на стол. Она открыла его прямо там под нарастающим осенним ливнем и первое, за что зацепилась взглядом, была сумма выплат, чуть больше той, которую Соня неустанно вымаливала. И к её удивлению, «Хорошо бы мне дали...» сбылось.

Второе письмо в поздравительном конверте оказалось анонимным. Несмотря на красивый вензель вокруг своего имени, девушке становится некомфортно. Замысловатое кольцо вокруг буквы «С» вырисовывалось кем-то, кто явно не хотел представляться. Во всяком случае, сразу.

Теперь уже полноправная хозяйка дома возвращается в кресло, совершенно забыв о чашке чая, остывающей на подлокотнике. Холод, который успел проникнуть в дом, растворяется в нагретом воздухе и постепенно исчезает из ощущений.

Соня проталкивает палец в сгиб конверта, бумага легко поддается и через секунду обнажает послание, завернутое в целлофановый пакет.

– Что за чёрт? – перед тем, как вытащить письмо, девушка ещё раз прощупывает конверт. Но никаких уплотнений нет, только несколько сложенных листов в клетку.

Почерк мелкий и аккуратный. Всё, что ей Соне хотели сказать, уместилось на пяти пронумерованных страницах. Женщина сразу же ищет последние строки пятой и обнаруживает подпись.

«Интересно, а гроб у него тоже квадратным будет?» – голос сорвался и ушёл вверх на последнем слове. Даже в памяти она воспроизводит его со всеми нюансами. Замечание о дерьмовых штанах, которое он выдал каких-то полчаса назад, вдруг стало приветствием. Неуместное прошлое всё-таки ворвалось на нескольких клетчатых (клетка, ведь квадратная) листах и уже дважды отозвалось в голове дергающимся, беспокойным от ломки голосом Серого Вожака.

«Здравствуй, милая Софья! Прошло десять лет с тех пор, как ты последний раз видела меня. Я же видел тебя совсем недавно, не буду говорить когда, ведь придётся указать и обстоятельства. Скажу так: ты уже ходила со стрижкой (кстати, длинные волосы шли тебе больше)».

Соня подняла руку и потянула за край шторы. В комнате стало ещё темнее, исписанный лист тут же посерел. Она подстриглась две недели назад и тот, кто оставил вместо подписи нелепого квадратного человечка с плачущим лицом, в какой-то момент был рядом. Читать стало тяжелее, мелкие буквы с небольшим наклоном влево потребовали напряжения.

«... Я много думал о том, помнишь ли ты меня. Когда тебе четырнадцать жизнь со всеми её персонажами кажется неизменной. Но когда проживаешь четверть века, та неизменность оказывается вдруг сном. Я пришел к выводу, что так и было с тобой. Ты окончила школу, поступила в институт, нашла работу и даже имеешь теперь свой дом. Все погони по тёмным улицам перекочевали в воспоминания и обрывочные сны перед самым пробуждением (те, после которых хочется скорее умыться холодной водой). То есть твоё взросление было нормальным. Ребенок, который в детстве лупил свои игрушки, теперь смотрит на них с умилением вдруг настигшей его взрослости. Уверен, что ты с высоты прожитых лет и своих длинных ног смотришь на подобных мне с обходительной жалостью. Право дело, лучше бы дала потрогать сиськи (не поверишь, НИКОГДА НЕ ТРОГАЛ!).

Ты прошла все необходимые стадии развития личности, поднялась над прошлым, легко освоилась в жизни. Я же остался по ту сторону стены, которой вы отгородились от меня десять лет назад, и вдоль которой гнали меня чуть ли не каждый вечер»...

За окном прошуршал автомобиль, прорезав дождливые утренние сумерки тёплым светом фар. Соня проследила движение неяркого квадрата по стене. Он выхватил рисунок на обоях, и в какой-то момент ей показалось, что тонкие параллельные ветви преследуют что-то своим неизменным движением. Лист бумаги, шершавый от мелко написанного текста, замолчал в руках. Теперь она смотрит на обои, вновь окрашенные пасмурной серостью, и вспоминает квадрат света, к которому они гнали того, чьим голосом говорило письмо. Сгусток теней в углу комнаты — как раз напротив её кресла (полоски на подушке в тон, как и штаны на Квадратном Хныче — цвета его страха) — шевелится нелепым силуэтом, к которому тянутся тонкие гибкие ветви.

Они тоже были тонкими, гибкими и правильными. Когда в четырнадцать у тебя нет прыщей, ты становишься на ступень выше тех, чьи лица изрыты кротовыми норами. Но даже эти низшие сословия в подростковом мире стоят выше того, чьё тело напоминает... ящик.

«Я помню каждого из вашей «ДН». Уверен, ты слышала о недавней трагедии в семье своей смуглой подружки. Я был на похоронах. Кажется, это её младшая дочь? Соня, тогда я подумал, что маленькие гробики — это символ неправильности, чудовищной несправедливости мира. Так зачем же вы рисовали МЕНЯ в таком же?!

У меня сохранились ваши рисунки. Хотел приложить один, но тогда бы ты рассмотрела его первым и, возможно, выкинула письмо, а в мои планы входило твое ознакомление именно с текстом.

Боже... Кстати, слышала выражение: «Если бы треугольники создали Бога, то он был бы с тремя сторонами»? Наверное, мой — с четырьмя. Отвлёкся... Софья, я меньше всего хочу, чтобы ты думала, будто я угрожаю тебе своей памятью. Это совсем не так! Да, я хорошо помню всех вас, особенно тебя и Серого Вожака (в те дни, когда он был особенно жесток, я обвинял в этом тебя, должна же его агрессия произрастать из какой-то неудовлетворённости), но я не преследую цели как-то отомстить вам. Я просто хочу, чтобы прочитав всё это, ты посмотрела на тот период другими глазами. Глазами, которыми смотрят на игрушки, битые в детстве».

Соня опустила письмо на колени и встретила взглядом с сумерками. Садясь утром в кресло с чашкой чая, она не могла представить, что совсем скоро надежные стены её существования будут трещать от ненужных воспоминаний, как от незваных агрессивных гостей.

ДН — Дюжина Нормы. Название придумал Серый Вожак, её приятель Кирилл с самым необычным оттенком русых волос, который только можно представить у человека. Хотя, был ли он человеком? Под бременем навалившейся на неё взрослости Софья понимает, что Кирилл как раз и не мог входить в ДН. Её развитие преодолело те необходимые стадии, когда норма высчитывалась по показателям внешности, и перешло к показателям морали. Здесь Серый Вожак явно не добирал баллов.

Квадратный Хныч так и остался бы для каждого из них по отдельности, всего лишь жалким уродцем, что получает бесплатный рисовый пирожок и горячий компот в купе с бюджетным (по сравнению с другими) обедом. Но Вожак не смог бы существовать без стаи, поэтому формирование Дюжины Нормы стало для нелепого одноклассника началом конца.

Мучительный путь, по которому они гнали его квадратную тень, начинался на первом повороте от школы в сторону его дома. Как назло парень жил в отдалённом частном секторе. Когда они бежали за ним, временами сбивая дыхание смехом, Соня думала, что ходить по этим пейзажам каждый день – уже испытание, а бежать здесь от дюжины преследователей – хорошая разминка перед Вечным Пламенем. Асфальт в самом начале пути сменялся пыльными неровными тропами, иногда их ботинки гремели по разбросанным вдоль территории заброшенного завода ржавым металлическим листам бывшей ограды. Однажды Соня наступила на брюхо дохлой кошке и всей компании пришлось остановиться и ждать, пока девочка, визжа от омерзения, очистит ботинок от червей и грязи разложения. В тот момент она подумала, что отвратительное всегда будет помогать отвратительному. Они упустили Хныча, чтобы настичь его в следующий вечер, когда...

«Я никогда ничего не рассказывал матери. Здесь мне есть за что вас благодарить – вы отставали за пару домов от моего. Она вас не видела. Я восстанавливал дыхание, прячась за соседской изгородью, и возвращался человеческим сыном, а не затравленной живой игрушкой. Но (так бывает) в один вечер вся тщательная маскировка лопнула. Я испачкал штаны.

Соня, ты помнишь, как маршрут изменился, и мы оказались на территории заброшенного завода? Я боялся этого места, когда проходил мимо него каждый день и ещё больше боялся, что когда-нибудь окажусь там вместе с вами. Тогда каждый подросток знал истории о ямах, закрытых ржавыми решетками. До сих пор не понимаю, какой цели они служили рабочим, но ты же помнишь, как они служили богатой детской фантазии? Кто говорил, что эти ямы завалены костями и останками, кто-то был уверен, что это замаскированные ходы в секретные цехи завода, где проводились эксперименты с оружием. Легендой вашей шайки был ползучий старик».

– Дьявол! – с глухим стуком бокал остывшего чая заваливается на бок. Махровый халат тут же намокает на бедре. Тёплая жидкость не обжигает, но Соня вскакивает с места так резко, как две недели назад отпрыгнула от взбесившегося отпаривателя. Она решает бежать. Откуда? Хотя бы из тёмной, бесцветной комнаты. Щёлкнув выключателем, она наполняет её определенностью. Через зашторенные окна больше ничего не проникает с улицы, ничего из того, что она зывала все утро.

Пасмурная тишина стала гнетущей. Остановившись посреди комнаты, Соня смотрит на лежащее на подлокотнике письмо и понимает, что должна выслушать его до конца. Ей совсем не хочется вспоминать то время, те «весёлые» погони, которые она уже успела омыть в своей памяти слезами стыда и раскаяния. Но если она оставит письмо недочитанным, выбросит его в мусорное ведро, её воображение само допишет концовку. Возможно, страшнее, чем та, что расположилась на исписанном листе у самой макушки плачущего человечка.

Но перед этим надо переодеться и умыться. Свет, льющийся по гостиной, захватывает часть коридора, но не достаёт до поворота к двери ванной. Это останавливает – дом укрыт поразительной для начала дня темнотой и кажется искривлённым отражением в старом, почерневшем по краям зеркале. Такое же зеркало сейчас стоит перед ней: «Смотри, смотри, СМОТРИ, что ты делала!»

Грохот собственных шагов будто тянет за собой полоску определённости из светлой гостиной. Соня зажигает свет в ванной, снимает халат и включает воду. Чем быстрее она дочитает письмо, тем меньше мыслей соберётся в голове. «Что ему нужно?», «Писал ли он остальным?», «Стоит ли звонить в полицию?» Он говорит, что так и остался по ту сторону стены, нет, этот урод перелез её.

лась рука (глупый маленький уродец, я был уверен, что это старик!) И как штаны неожиданно отяжелели сзади (как раз там, где ты ощущаешь мерное покачивание своих ягодичек в узких джинсах). Будто весь накопленный страх упал из головы в желудок, проскользнул по розовым кишкам и вышел наружу тёплой кучкой.

Домой я бежал, чувствуя, как моя задница греется от неожиданной ноши и как щипят от ветра мокрые щеки».

Если бы по дому гулял ветер, она бы ощутила то же самое. Слезы текли по щекам, падали с подбородка на дрожащие руки. Соня проклинала пришедшее письмо, оно отражало её, как помутневшее тёмное зеркало, и образ был уродлив. Гораздо уродливее того, кого они загнали на железную решетку, из которой вытянулась рука Толика.

– Прости нас, – Соня перевернула последнюю страницу, на которой плакал квадратный человечек, – прости нас, если сможешь.

Теперь он смотрит на неё, видит, как она дочитывает последний абзац. Пока торжественные слова складывались в ужасающий смысл, Соне, видевшей человечка краем глаза, стало казаться, что он ухмыляется. Ведь над его головой аккуратные строчки (почерк гораздо ровнее и красивее, чем в остальном письме) выносят ей приговор:

«Милая Соня, мне кажется, ты плачешь. Чтобы не разрывать тебе сердце стыдом и жалостью, перейду к основной части своего письма. Как ты смогла заметить (думаю, эта деталь сразу бросилась в глаза) бумага завернута в целлофановый пакет. Не знаю, насколько на ней ещё ощущается «лишний» слой. Но, судя по тому, что ты дошла до этого места (по моим расчётам это заняло не более десяти минут – заметь, я учёл время, в которое ты, возможно, пыталась как-то приободрить себя прогулками до ванной или кухни), то не заметила ничего постороннего на бумаге, которую держишь в руках. Когда я покрывал листы одним любопытным раствором, боялся, что останутся жирные подозрительные пятна. Как однажды остались на моих штанах, после чего твой друг посоветовал мне сразу подбирать цвета.

Целлофановый пакет не был необходимостью, скорее я применил его для страховки, чтобы вещество не выветрилось и дошло до твоих пальцев таким же насыщенным.

Вроде объяснил всё..хотя, нет, извини. Я же не сказал главного: за время чтения ты надышалась аконитом. Это сильный яд, Соня, и скоро ты начнешь задыхаться. Когда тебя найдут, его следы выветрятся (думаю, это случится через пару дней), но моё признание в письме никуда не денется. Впрочем, к тому времени, да что уж там, я собираюсь сделать это, как только брошу письмо в ящик, меня уже не будет. Я позволил себе взять немного от твоего гостинца. Не волнуйся – тебе ушла большая часть.

Не буду прощаться надолго. Скоро встретимся. Там.

11.11.14»

Аконит...11.11....Аконит...11.11....АконИт – догонИт!

Она не ожидала, что закричит. Одновременно с тем, как Соня вонзила в ладонь ногти, чтобы содрать с кожи яд, горло разрезал крик. Дикий и болезненный, такой, какой смог бы прогнать из её тела всё, что она вдохнула.

– Чёртов ублюдок! – всё ещё продолжая царапать кожу, Соня забежала в ванную.

– Давай же нагревайся!

Когда пошёл пар, девушка сунула ладони под мощный поток и выдержала пару секунд прежде, чем снова закричать. Повернув ручку смесителя, Соня зачерпнула тёплой воды и попыталась промыть нос. От истерики дыхание сбилось и участилось, она бесполезно булькала носом в пригоршне и уже решила, что начинает задыхаться. Почему этот уродец не сдох тогда от испуга?! Наверное, потому что сдохнуть от испуга придется именно ей!

Дверь ванной хлопнула за спиной. Телефон мигал из тёмной кухни рекламной рассылкой. Соня споткнулась на пороге (кажется или ноги начали неметь?) и, задержавшись о стол, схватила трубку.

Противный восходящий мотив – ошибка связи. Девушка ещё раз набрала «скорую» и когда ей ответили, сказала своё имя и адрес, после того, как провизжала в трубку, что её отравили.

Бригада обещалась быть через десять минут. Соня взглянула на экранные часы – 12.49. На заставке зимний парк: запорошенная снегом скамейка и нахохлившийся снегирь на спинке. Девушка задержала взгляд на картинке и вдруг поняла, что возможно не увидит зимы. Цифровое изображение с преувеличенно ярким небом – будет её последним воспоминанием о времени, которое она так любила. Не хватило всего пары недель.

Дом замолчал или она перестала его слышать: не гремели стёкла под ливнем, не гудел, кидаясь о стены ветер. Сейчас Соня могла слушать только себя – нервное дыхание не выравнивалось, но разве можно считать это начинающимся удушьем?

«Он наврал! Наврал...» – билась одна мысль.

«АконИт – догонИт» – гремела другая.

Соня сидела на стуле, опустив руки вдоль тела, боялась держать ладони ближе. Ошпаренные кипятком, красноватые ладони, которые не смогли почувствовать, что держат яд.

12.52 – в любой момент её тело начнёт скручивать от нехватки воздуха. Она не знала этих ощущений, никогда ни от чего не задыхалась и ни разу не падала в обморок. Но почему-то казалось, что будет именно крутить, выжимать конвульсиями остатки воздуха в лёгких. Возможно, её ослабевшую подхватит кто-нибудь из «скорой», будет прижимать к лицу кислородную маску, но под закатившимися глазами, она будет так же полезна, как горчичник на покрытой той группными пятнами груди.

– Как же они меня обнаружат... – ей казалось, что она слабеет. Путь к входной двери закрыт туманом в голове. Соня медленно побрела к выходу, держась сначала за спинки стульев, потом за стены. Когда дошла до прихожей, села на тумбочку, полностью уверенная в том, что начинается конец.

...они гнали его по неосвещённым пустым улицам. Сквозь смех и топот до них доносилось его сбивчивое тяжёлое дыхание. Он задыхался, но не сбавлял скорости. Иногда Соня думала, что будет, когда они его догонят. Побьют? Она бы не смогла участвовать в этом. Наверное, у Серого Вожака тоже не было ничего подобного в голове. Всем доставляло удовольствие ощущение погони, всполохи его надломленного дыхания, разрезающего вечерние сумерки, в которых надёжно прятались далёкие дома.

Теперь он хочет, чтобы задыхался кто-то другой. Кто-то из тех, из-за кого разрывались в детстве его легкие.

АконИт – догонИт... Они его так и не догнали, а он решил догнать.

Окно в прихожей, как раз на той стороне дома, которую ветер не замечал, сильно запотело и размыло деревья и тротуар. Соня прислонилась к шершавой стене, ощущая всю тяжесть отравленного тела.

– Лучше бы ты сразу рассказал всё матери, – девушка решила сказать это вслух, чтобы ещё раз услышать свой голос. Но он поцарапался где-то в горле и прозвучал слабо и хрипло. В лёгких следом что-то ухнуло и раскрылось тяжёлым колючим шаром

В плотном тумане, который пульсировал вокруг Софьи дикой болью, завывала «скорая». А потом всё растворилось в спирали, по которой тело скручивала нехватка воздуха. Холодного и сырого, который бывает только в ноябре.

Песнь на воде

По каменистому берегу полз паук. Большой, светло-коричневый, похожий на клубок переплетённой сухой травы. Он успел проскокочить под шагами Риты незамеченной бледной тенью и скрылся в расщелине между камней. Подошва сланцев неловко скользила по ним, солнце паялилось в спину девушки, а наушники противно потрескивали, корёжа нежную грусть Джоан Баез. Единственный выходной за неделю выдался таким же неровным и неудобным, как эта дорога к купальной зоне.

Ещё несколько метров и камни станут меньше, с моря повеет прохладой и, возможно, успокоится охрипшая певица. Рита выходит на пляж, видит людей (человек десять, не больше) и с облегчением понимает, что будет не одна. После того как неделю назад здесь утонул пьяный весёлый старик (рассказывали, что бедолага орал песни, пока вода не заткнула его глотку), казалось, что желающих искупаться убавится. Тревожно заходить в воду, которая забирает себе такие вот трофеи с суши, но над этой самой сушей палит солнце и раз старик не разбухает на дне, можно о нём не думать.

Идти действительно стало легче. Ступни приятно вибрируют на мелких камушках, не проваливаются и не скользят. Дойдя до свободного лежака, Рита кидает на него пляжную сумку (с лицевой стороны вышита фигурка купальщицы в закрытом полосатом костюме), и стягивает сарафан – ткань влажная на спине. Несколько мужчин сидящих на одном лежаке оборачиваются в её сторону, и девушка во время распускает волосы, чтобы перецепить заколку надёжнее. Если бы кто-то наблюдал за всем этим со стороны, то происходящее выглядело, как переходная фоновая сцена в бессмысленной курортной мелодраме. Панорама пляжа, шум волн, костлявая, но грудастенькая девчонка в купальнике и оценивающие её мужчины.

Сквозь шум моря Рита различает приглушённое завывание невыключенного плеера. Приди она ближе к вечеру, можно было бы просто посидеть на берегу, слушая музыку и глядя на волны, но полуденное солнце – суший маньяк. Девушка накрывает сумку полотенцем (не самая надёжная защита, но режим завлечения всё же выключен) и направляется к морю.

У самой кромки, так что набегающие волны время от времени забираются в их одинаковые красные плавки, сидят двое мальчишек. Видимо, дама на лежаке, с потрёпанной жёлтой книжкой в руках, их мать – рядом с ней валяются две пары одинаковых маленьких сланцев. Рита проходит мимо мальчишек незамеченной – для них её задница пока менее интересна, чем найденная среди камней ракушка.

Первое прикосновение воды обжигает. Гудящие от неровной дороги ступни оказываются в подвижном холоде на скользких камнях. Стараясь не наступать на склизкие наросты водорослей, Рита продвигается вперёд. Мурашки бегут по телу, спасаясь от подступающей всё выше прохлады. Волны бьют по спине и животу и когда достигают груди, девушка отталкивается от каменистого дна, чтобы лечь на одну из них и ощутить её упругое покачивание. Сзади доносятся голоса суши: визг мальчишек, басовитый гогот отдыхающих мужчин, гнусавое «Ну, пусти!» коричневой кокетки в белоснежном купальнике.

Всем своим раскалённым телом день опустил в холодную воду и начал стремительно испаряться. Когда Рита только спускалась к пляжу было начало первого. Сейчас, наверное, уже перевалило за половину. Пока искупается, пока соберётся и пока доберётся домой, будет в лучшем случае шесть, а завтра опять заплыв в акулий риф на добрую неделю. Как после этого считать, сколько лет она прожила? От даты до даты – один срок, но внутри этого срока совершенно другой – суммарный и в разы уменьшенный.

Слева чернеет пирс. Волны забираются на его площадку, шумят, разбиваясь о каменное тело и, только глядя со стороны на их движение, Рита понимает, насколько они высоки. При спокойной погоде она любила доплывать до конца пирса, огибать его и плыть к берегу уже

с обратной стороны. Но сегодня лучше не рисковать. Старик утонул от того, чтобы был пьян, а она может утонуть, потому что было пьяно море.

Отталкиваясь от нутра холодного живого тела, она сворачивает в сторону, чтобы направиться к берегу и сталкивается с подступившей волной, которая тут же заполняет солью нос и горло. От неожиданности теряется координация, мышцы схватывает спазм.

Дна пока нет. Об этом девушка узнаёт, когда пытается встать на ноги и тут же оказывается с головой под новой волной. Как будто, кто-то пытается задушить её подушкой. Борьба с морем стремительно лишает сил, и когда Рита, наконец, оказывается на гребне, а не под ним, она победно кашляет, не открывая глаз. «Надо плыть обратно, накупалась». Но эта мысль оказывается так же далеко от реальности, как сама Рита от берега – волны успели оттащить её во время борьбы. Пирс тоже отдалился. Угол, который он образует с полоской берега, на какую-то секунду кажется недостижимым. И этой секунды хватает, чтобы позволить ещё одной волне обрушиться на голову.

«Нет, тише!» – Рита выныривает на поверхность и толкает своё тело к берегу. Руки снова послушны направлению, девушка пытается сосредоточиться на этих ощущениях и не обращать внимания на раздраемую от соли носоглотку. Какое-то время получается держаться на поверхности, но волны создают обманчивое движение – через пару минут изматывающей борьбы с обратным потоком, Рита понимает, что ещё больше отдалилась от берега.

– Я! Помогите! – она первый раз в жизни зовёт на помощь и нигде не учат, как делать это правильно, – помогите!

Рита поднимает руку и машет толпящимся на суше фигуркам. Издалека они кажутся артистами на театральной сцене: у каждого своя поза и место под светом раскалённого полуденного софита. Она различает гнусавую крикунью в белом (та стоит спиной к воде, уперев руки в бока), компанию мужчин, окруживших один лежак, на котором вероятно уже выставлено пиво с закуской, и две маленькие сгорбленные фигурки у самой кромки воды – двойняшки в красных плавках.

В красных... Почему не вывесили красный флаг, раз море так беспокойно? Почему она не заподозрила эти одинаковые красные задницы в попытке стать предупреждающим знаком?

– Тонууу! – волны передразнивают каждую попытку докричаться. Их движение оглушает и изматывает – море захотело новый трофей. Когда Рите в перерывах между борьбой с ними удаётся взглянуть на берег, снова звать на помощь уже не остаётся сил. Серая суша мелькает издевательски спокойно: никто не замечает того, что происходит в воде.

Море отражает каждый её удар своей дикой взволнованной мощью, и очень скоро ноги и руки начинают гудеть от постоянного движения. Оттолкнувшись так, чтобы гребень новой волны подхватил тело хоть на секунду, Рита набирает в грудь воздуха, но кроме хрипа, который тут же растворяется в окружающем шуме, она не слышит от себя ни звука. Угол берега и пирса уплыл ещё дальше, фигуры размылись и уменьшились.

Девушка успевает вскинуть руку над вновь подступающей волной и, когда через пару секунд, выплёвывая огненную соль, снова оказывается на поверхности, замечает движение на берегу.

– Помогите мне! – где-то в густой синей пучине ноги заработали с новой силой. Пусть её вытащат на берег с рвущимися от напряжения мышцами, пусть она не сможет спать от накопленной за этот день боли. Но она не утонет!

Люди на берегу действительно столпились и смотрят в её сторону. Кто-то даже махнул рукой и три фигуры отделились от остальных. Когда Рита увидела их бегущих обратно с лодкой, ей показалось, что даже море присмирело. Плакать не время – это отнимет слишком много дыхания. Но из глаз всё равно покатились своя соль, и новая волна тут же её слизнула.

Трое мужчин из тех, что устроили на лежаке пикник, выстроились в ряд, закрываясь лодкой как единым щитом. От воды их отделяет несколько шагов, они стоят на каменистой далёкой суше и никто из них не двигается вперёд.

– Спаси... – слово тонет в подступившей волне. Рита успела наглотаться воды и, как только она окажется на берегу, её непременно стошнит. Вынырнув из-под пенящегося гребня, девушка несколько раз с силой сжимает веки и открывает глаза в тот момент, когда деревянная лодочка с бело-красной стрелой на боку грохается о камни под ногами мужчин.

«Они не выростили её, посмотри на них» – такое ощущение, что эти слова доносятся откуда-то с зеленовато-синей темноты, где барахтаются ноги. Будто что-то большое и знающее лежит на дне и указывает ей на аплодирующих женщин и раскланивающихся «спасателей».

Борьба с волнами, палящее в макушку солнце, страх – всё что угодно, только не верить увиденному. Люди не могут разбивать о берег спасательные суда и радоваться, что утопающий это видит! Ей кажется, что ветер даже донёс этот звук: «Краааак», и лодка раздваивается, расстраивается, разлетается на чёртовы, неспособные спасти, доски.

Крикунья в белом подпрыгнула на месте и, кажется, машет Рите рукой. С берега сквозь шум неутешных волн доносится её надсаженный голос. Она кричит ритмично и однообразно, и через пару секунд становится понятно – девушка на берегу поёт.

– Помогите мне! – а вот у Риты крика не получилось. Ей казалось, что она сможет – дыхание немного успокоилось, и поутихло саднящее от новой порции соли горло, но она проговорила это нерешительно, неохотно, уже не понимая, что ждёт её на берегу.

Между тем море заносило изматывающие удары всё тише. Рита оказалась на новой волне и та держала её своим мерным затихающим движением. Люди на суше (их вроде бы стало меньше, кто-то исчез на переднем плане) смотрели в сторону воды и слушали пение. Оно стало громче на фоне усмирённой стихии, и в тот момент, когда солнечный блик провалился через покрасневшие глаза, ослепляя, Рита подумала, что море подчинилось пению.

До берега так же далеко, но теперь она сможет преодолеть это расстояние. Рита направила тело вперёд и попыталась плыть – море не сопротивлялось. Мышцы гудели от напряжения и усталости, и несколько раз пришлось перевернуться на спину, чтобы отдохнуть. Перед глазами оказывалось белёсое знойное небо и крикливые тени чаек. Крикливые на фоне тишины с берега... Песня смолкла. Девушка (такая худенькая, что её силуэт на поверхности разочарует не одну акулу) неуклюже повернулась на живот и тут же столкнулась с новой волной. Шумной, высокой и агрессивной. Море снова злится. Наверное, вода хочет заполнить её так, чтобы Рита, наконец, ушла на дно от тяжести. Кашель нарушает с трудом восстановленное дыхание, и когда она открывает глаза, берег снова кажется недостижимым. Певунья стоит на прежнем месте, и Рита мысленно молит её о продолжении песни. Даже в разморенном от зноя и борьбы сознании всё постепенно выстраивается логично и утешительно – люди на берегу поняли, что не смогут добраться до неё по таким волнам, а поющая девушка обладает невероятной властью над морем и хочет ей помочь. Пусть она коричневая, как испорченная кукуруза, но её голос успокаивает волны!

Волны наращивают потерянную силу, и перед тем, как уйти под очередную, Рита выкрикивает на берег:

– Пой!

Из упругой живой темноты её поднимает далёкое ритмичное завывание. «Ведь звук – это волна. Встречная волна» – думает Рита и открывает глаза уже на поверхности. Берег стал ближе, а движения певуньи отчетливее – она прыгает на берегу в своём белоснежном купальнике и машет рукой, приглашая присоединиться к своей песне. Рита не может, пока море спокойное, нужно выжать из мышц и дышалки как можно больше метров.

Она продолжает грести. Песня на берегу тем временем становится певучее, голос будто бы чище и нежнее.

«Только не замолкай» – думает Рита и старается плыть быстрее. Руки с трудом расходятся в воде, толкая её уставшее тело вперед.

Песня становится тише. Каждый ясный и сильный звук теряет опору и долетает до неё побитой штормом птицей, чтобы упасть в нарастающие волны и потухнуть.

– Нет, нет, нет! – Рита наблюдает за певуньей, которая пожимая плечами, отходит от воды.

– Пой, пожалуйста!

– Пой со мной! – доносится с берега и песня возобновляется. Мотив становится чётким и понятным, темп спокойным – её легко будет подхватить.

Волны присмирели. Пока ни одна из них не спешит, чтобы обрушиться и лишит последних сил, Рита хриплым дрожащим голосом начинает вторить песне. Певунья не может слышать её с такого расстояния, и девушка давит на связки, посылая вперед надсаженный грубый звук. Невероятное двухголосье, несущее один мотив через засыпающее море. Много дыхания расходуется на это странное спасение, но это не сравнить с той неравной борьбой, которая, наконец, прекратилась.

Чем ближе к берегу, тем легче становится плыть. Будто энергия, которую она создаёт внутри своего тела пением, успокаивает ноющие мышцы. Воздух мерцает, пропуская через себя солнечные блики, которые отражаются в воде. Рита плывёт по спокойным водам чудного мира, в котором может ощущать себя могущественной частью могущественной стихии.

– Пой, – долетает к ней через толщу воды и она поёт. Беззвучно. Мерцающий воздух остался наверху, теперь вокруг густая синяя тьма, в которой чернеет силуэт певуньи. Она приближается, идёт к Рите по каменистому дну и продолжает петь. Так не хочется смотреть на её разбухшее зелёное тело с истёртой тканью на груди и бёдрах, но Рита должна быть благодарной за спасение. Чёрные ступни певуньи скользят по камням, теперь их разделяет только бледная полоска света, идущего сверху.

«В благодарность за спасение, я хотела бы подарить вам песню...» – всплывает в голове чей-то торжественный голос, возможно услышанный в каком-нибудь фильме. Про утопленников? Вряд ли... Наверное, это была мелодрама с блондинкой, у которой напудренные кудри прыгают вокруг бездарно улыбающегося лица.

Больше ничего не разделяет. Теперь можно рассмотреть, как вода глумится над теми, кто выбрал сушу. На плече у певуньи чернеет дыра, и Рита не хочет знать, заплывает ли туда мелкая рыба. Над куском ткани, бывшим когда-то беленькими купальными трусиками, нависает раздутый, готовый вот-вот потечь гнилью, живот.

– Пой для нас, – шепчет певунья и машет рукой, приглашая увидеть всех гостей, что темнели беспокойными тенями за её спиной. Все те, кто был на берегу, кто оглядывался вслед, теперь держат Риту мутными безжизненными глазами и ждут, когда её живот оплодотворит растущая чёрная гниль.

Кого-то здесь не хватает. Кажется, нет мальчиков...

– Они, что, все из одного хора? – чей-то голос усмехнулся вдалеке. И тут же резкий толчок в грудь.

– Хорошо, мы с близнецами отдохнуть выбрались. Волны высокие были, я не пустила их купаться и сама лежала музыку слушала... А эта дурочка кричала и пела, пока перепуганные мальчишки не растолкали меня.

– Недавно старик тут утонул, говорят, пел тоже, – снова толчок. Внутри что-то зашевелилось, рвущая боль раскрылась в груди, и Рита открыла глаза.

– Что, певунья? Море успокоить хотела? – спросил молодой парень совсем рядом. Сидящая чуть поодаль женщина облегчённо вздохнула.

1551

Каждая ночная поездка превращалась в полную жопу и всегда заканчивалась мысленным обещанием больше не поддаваться бредовым идеям брата. Но всякий раз, когда он вновь говорил родителям, что берёт старую машину отца для того, чтобы катать наших подружек, (у меня и подружки то на ту пору не было!) я брёл к машине следом за его тощей, жаждущей приключений, задницей и мысленно проклинал сдвинутого засранца.

Как назло, даже сложился определённый ритуал, повторяющийся из вечера в вечер. Спускаясь с крыльца под наставления матери, мы подходили к старенькому пикапу, и брат выпускал на волю свою любимую хохму, насчёт последнего девственника Галактики и моих вымученных историй о нереальной девице, которые я придумывал для родителей перед этими поездками. Самое забавное, что шуточки у брата были каждый вечер свежими, а вот мои рассказы тухли прямо в голове, и вымышленная Наташа либо говорила каждый вечер одно и то же, либо меняла свой рост (мамам всегда надо знать как выглядит «та самая девочка»). А я либо путался в собственной лжи, либо не сумев придумать никакого продолжения несуществующему роману, говорил что-то из уже сказанного. Вы спросите меня, почему я так докладывался родителям о личной жизни? Не дело, конечно, восемнадцатилетнему жеребцу делиться подобным с матерью (отца это не интересовало, более того, он считал меня инфантильным сосунком и любил поговаривать, что юбка матери всегда будет для меня самой надёжной крышей), но никаким жеребцом я не был и в помине – в словах отца была доля постыдной правды.

Так вот, ночные поездки (на которые безвозвратно уходили наши стипендии, бесценные часы сна и мои нервы) ... Все они совершались с чёткой, одному Кириллу известной целью. Вернее, знал о ней и я, но осмысленной и важной она была только для брата – он искал пространственные дыры, места где, по его мнению, есть вход в другие миры, проходная дверь для неизведанных инфернальных созданий. Лучше бы он поискал дыры в своей голове.

В тот вечер мы загрузились и, выехав с подъездной площадки, зашуршали по асфальту тихой вечерней улицы. Я смотрел в боковое стекло на чернеющее небо, и меня начинала занимать тоскливая тревога. Впереди меня ждала одна из тех ночей, в которую лучше было остаться дома и не дать своим страхам выйти дальше комнаты. Но видимо, сегодня был не тот случай. Вокруг громоздилось чёрное небо, впереди струилась дорога, и все мои бесконечные фантазии о грозивших нам опасностях смешивались с прохладным ночным воздухом. Они вылетали через приоткрытое окно со стороны Кирилла (моё всегда было закрытым!) и попадали в пространство, соприкасаясь со всем, что встречалось им на пути.

По городу мы ехали молча. Кирилл был явно напряжён и время от времени нервно постукивал пальцами по рулю, словно мысленно досадуя чему-то. Когда мимо окна забелели поля, он неожиданно обратился ко мне:

– Именно сегодня нам повезёт, я точно знаю, куда мы едем. Это место пока ещё не обросло идиотскими легендами, о нём вообще никто не знает.

– Откуда же ты о нём узнал?

Кирилл мельком взглянул в мою сторону:

– Провёл некоторые вычисления и смог добыть несколько интересных фактов.

– Надеюсь, в этот раз нам никто не помешает.

Брат усмехнулся и прибавил громкость магнитолы. Послышалось бодрое гитарное соло, и звуки «старого доброго рока», сопровождающего нас каждую вылазку, заметно расслабили Кирилла:

– Ты теперь всю жизнь будешь тот случай вспоминать?

Я не ответил, засмотревшись на голые сучья деревьев, пестрящие капиллярным узором по ночному небу.

Мне было что вспомнить.

Осенью мы вновь совершали одно из своих бредовых путешествий (почему я всё таки езжу с братом по маршруту его паранойи объясню позже). В тот раз нашей целью был недостроенный коттедж на окраине города. По слухам, строительство дома приостановили по просьбе самого заказчика, утверждавшего, что с момента покупки участка его стали мучить вкусовые галлюцинации: так любая вода казалась ему жгуче-солёной, кроме той, что была действительно таковой. Родные недоумевали, видя, как он мучается, пытаясь пить чистую воду. Но ужаснее было наблюдать за тем, как несчастный высыпает в стакан добрые две столовые ложки соли и жадно пьёт. Походы к врачу, предостережения о смертельном вреде частого употребления такого напитка и попытки вводить жидкость через капельницу заканчивались жуткими истериками заказчика. Он кричал, что его истязают, хотят уморить и что хищные чайки выключают ему глаза и утолят свою жажду их влагой. Во время душевной болезни этого парня (имя в статье с одного из стalkerских сайтов не указано) строительство шло полным ходом. И вдруг стала наблюдаться жуткая закономерность: чем больше работ велось над новым домом, тем хуже становилось его хозяину. В итоге, сложив 2+2, и поверив в проклятое место, заказчик отказался от идеи поселиться в живописном, и как ему казалось, спокойном месте. Как по волшебству, помешательство оставило несчастного. Он вновь мог пить любую жидкость, не сдабривая её солью, но протянул недолго. Он умер спустя всего неделю после заморозки строительных работ – доза соли, пришедшая на его обезумевший организм, оказалась смертельной. Строители, как ни странно, не пострадали.

Кирилл сразу уцепился за эту историю и тут же нашёл ещё немало интересных фактов о недостроенном коттедже. Осенью прошлого года несколько подростков решили совершить экскурсию по проклятому месту. Один из них даже осмелился спуститься в подвал и обнаружил там чёртову гору дохлых чаек. С тех пор коттедж окрестили Птичьим Моргом и интерес у «бесноватой» молодёжи возрос ещё сильнее. К сожалению, мой старший брат был тем ещё бесноватым парнем, искателем приключений, смельчаком и параноиком, свято верившим во всё мистическое. В один из ветряных осенних вечеров мы направились к заветному месту.

Отчего-то, в тот день тревога насчёт поездки мучила меня меньше обычного. (Глупо отрицать, мы с братом оба ненормальные, только вот паранойя у нас разная: его она толкает на поиски неизведанного, меня же мучает бесконечными страхами и скверными мыслями, начинающимися примерно так «А что если...», «А вдруг...»).

Я был расслаблен, фантазия не рисовала мне угрозы за чёрными костлявыми силуэтами деревьев и не подбрасывала страшных сценариев очередного приключения. Наслаждаясь скоростью и свободой, за разговорами мы чуть было не проехали поворот на скрытую под сухостоем подъездную дорожку.

Кирилл выключил фары, осветившие кирпичный бок заброшенного дома и вышел из машины. Прихватив фонарик, я вышел следом, и тут дремавшие весь вечер страхи налетели на меня и удвоенной силой. Злые и голодные.

– Так вот какой, этот Птичий Морг, – задумчиво (и, конечно, с восхищением) протянул брат и тут же поспешил искать вход. Я нехотя поплёлся за ним, освещая фонариком свой путь и стараясь не смотреть по сторонам – ночь начинала давить на меня непроглядной густотой неизвестностью.

Парадный вход был забит досками. Освещая путь, Кирилл двинулся за угол дома. Когда я свернул, следуя за ним, то обнаружил открытую дверь, очевидно, запасной выход. Темнота

и неизвестность, томящиеся за ней, теперь просачивались в пространство, окутывая меня, играясь с большим воображением.

– Осторожно, тут высокий порог – голос брата прозвучал гулко и отдалённо – этот псих уже разгуливал по дому.

– Учту, – проворчал я и осторожно шагнул за дверь.

Изнутри дом казался больше. Вокруг стояла такая пыль, что было трудно дышать. Я посветил фонариком под ноги, опасаясь оступиться о какой-нибудь мусор, но пол был чистым. Неужели такое место ещё никто не облюбовал для посиделок? Луч фонарика прорезал пыльный воздух и время от времени натыкался на стенные перегородки. Осветив потолок, я также не обнаружил ничего интересного. Какого чёрта мы сюда приехали, это ведь даже не покинутое здание, хранящее энергетику! Это всего лишь пустая кирпичная коробка с оштукатуренными стенами.

– Кир, ты где? – мой голос эхом раздался по пустому помещению, и ответом мне был только еле слышный шорох. Брат молчал.

– Если ты решил меня попугать, то зря стараешься, я знаю что всё это твои глупые шутки..

Я не успел договорить, как раздался оглушительный резкий крик. Я вздрогнул и побежал в ту сторону, где, по моему мнению, должен быть брат. Крик повторился снова – похожий звук издавали чайки.

– Вот придурок, Кир, выходи, – к моему удивлению брат вышел мне навстречу, жестом приказывая замолчать.

– Ты это слышал? – в его глазах горел огонь. – Нам надо спуститься в подвал, проверить.

– Ты что совсем? – шёпотом возмутился я, – пойдём отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.